

Свежий воздух

Культура. — 1994. — 1-й кт. — с. 9.

В ближайшее время в столице откроется выставка работ известного московского художника Александра Ящука. Живет он судьбой страны, что равноценно испытанию воли и характера на порядочность. Мать в 33-м — дочь кулака! — отправлена в Сибирь. Отцу предложили работу на шахтах — это давало право на высокое вознаграждение: освобождение жены из-под стражи. И он на 20 лет спускается под землю. Далекая, угрюмая эпоха. Не до конца выплаканная, не отболевшая. И все же в горе, но вместе. Здесь, за колючей проволокой, в переселенческом лагере «новых» сибиряков и родился мальчик.

Однажды мама, крестьянка без образования, увидела на куске фанеры срисованную сыном фотографию соседа-шахтера и поняла: в их лачугу заглянуло солнышко. Мальчик записался в изобразительное искусство. Затем поступление в Саратовское художественное училище. Подросток настолько серьезен, что его, четырнадцатилетнего, директор называет по имени и отчеству: «Александр Павлович, вы закончили гипсовый сеанс Лаокоона? Тогда приступайте к гудоновской фигуре».

Но однажды этот ласкающий слух и душу голос прозвучал совсем в иной, грозной тональности: «Александр Павлович, что вы натворили в картинной галерее?». В случившемся, по большому счету, виноват был не столько «учащийся Ящук», сколько... прославленный русский живописец Михаил Нестеров. Вернее, его полотно «За приворотным зельем», в которое мальчик был влюблен. В тот злополучный день, рассматривая картину, отошел он назад и спиной соприкоснулся с чем-то холодным и массивным. Обернулся и увидел, увы, уже в полете огромную мраморную вазу. На протяжении двух часов ползали сотрудники и протоколировали сотни разлетевшихся по паркету кусочков итальянского шедевра XVIII века. Когда все было записано и разложено по паке-тикам, заметили наконец умирающего от страха подростка. Взглянув на его «обмундирование» и многострадальные глаза, директор отпустил его с миром.

На монументальном отделении Строгановки преподавал Гелий Михайлович Коржев — человек редкой одаренности и душевного обаяния. Только этим вот волшебным обаянием, пожалуй, он и «давил» на студентов. Но и произведения самого мастера, находившегося

тогда в самом расцвете сил, не могли не воздействовать своей мощью, убедительностью композиционного построения, оригинальностью замыслов. Его жанровые картины покоряли редкой эстафетностью, мостом между классикой жанрового искусства прошлых веков и современными веяниями. Времени оттепели. Поэтому тогда, в студенческие годы, Александр входил в одну из сложных и противоречивых областей изобразительного искусства — тематическое, жанровое полотно. Конечно, под влиянием любимого педагога, не копируя его приемы и тем более темы, а внутренне роднясь с ним.

«Единственная возможность не утонуть в космических масштабах океана Искусства», — говорит художник, — оставаться верным генам своего рождения: если ты реалист, оставайся им. Не мечись по сторонам, не причаливай к конъюнктурным берегам модных «измов». Плохих направлений нет в искусстве, есть плохие подражания, неискренность, измена-предательство своего «я».

Более двух десятков лет прошло после окончания института, началась самостоятельная жизнь в творчестве с ее

каждодневными проблемами и вопросами. Если привести к какой-то условной системе сделанное за эти годы, то, пожалуй, четко обозначатся основные пристрастия художника: деревенская тематика, труженики мира, память о Великой Отечественной войне, пейзаж средней полосы России, портрет исторический и портрет современника.

«Жуковский. Последний бюллетень о здоровье Пушкина» — москвичи видели эту картину художника на Кузнецком мосту на одной из юбилейных выставок, посвященных гению рус-

Живописи

ской поэзии. Это полотно, написанное в сдержанных тонах, и при всем огромном драматизме происходящего события оно небольшого размера, что у Ящука довольно редко.

Он монументалист в буквальном смысле слова, тяготеющий к значительным форматам станковых листов в рисунке и картонных эскизах для настенных росписей, которых за свою творческую жизнь осуществил очень много. Только невнимателен к своему труду, вернее, к составлению своего досье. Многие расписанные им дома культуры, церковные своды, заводские и школьные клубы остались только как воспоминание без единой, даже любительской, репродукции. Обидно, тем более что Ящук в своем творчестве всегда искренен и щедр, а столько страсти его вдохновения невосстановимо утеряно. Вопрос этот широкий, касающийся не его одного: многие художники невнимательны к работе, которая уже осуществлена. Впереди новые замыслы. О вчерашнем думать — тормозить эмоционально день сегодняшний. Так и уходят в небытие произведения, которые с таким трудом затем разыскиваются искусствоведами, — будь художник бережливее к своему тру-

ду, яснее была бы картина его становления.

Военной теме Ящук посвятил два полотна, написаны они по рассказам и воспоминаниям родителей — «Лето 42-го» и «Встреча на Эльбе». Незабываемы мгновения сибирского деревенского детства, когда с дедом на рассвете мальчишеской косил, а с отцом водил коров к быку. Дань этому времени: «Механизаторы», «Свежая пахота», «Новое поле», «Вечереет» — картины, посвященные сельским труженикам. О каждом из этих произведений хочется говорить отдельно, но когда попадаешь в мастерскую художника, передвигая, отодвигая и доставая в залежах подрамников с помощью хозяина один за другим холст за холстом, этюд за этюдом, начинаешь понимать, что описать труд художника в небольшой статье невозможно.

Вскоре нам представится возможность воочию встретиться с творчеством Александра Ящука, и к встрече он готовится со всей ответственностью.

Леонид КОЗЛОВ.

● Л. Козлов. Художник А. Ящук.

Ящук Александр

110.94